

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Фра)-44
М31

Victoria Mas
LE BAL DES FOLLES

Серия «Шорт-лист. Новые звезды»

Published by arrangement with
SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с английского языка *Ольги Павловской*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Мас, Виктория.

М31 Бал безумцев : [роман] / Мас Виктория. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Серия «Шорт-
лист. Новые звезды»).

ISBN 978-5-17-121895-9

Действие романа происходит в Париже конца XIX века, когда обычным делом было отправлять непокорных женщин в психиатрические клиники. Каждый год знаменитый невролог Жан-Мартен Шарко устраивает в больнице Сальпетриер странный костюмированный бал с участием своих пациентов. Посмотреть на это зрелище стекается весь парижский бомонд.

На этом страшном и диком торжестве пересекаются судьбы женщин: старой проститутки Терезы, маленькой жертвы насилия Луизы, Женевьевы и беседующей с душами умерших Эжени Клери.

Чем для них закончится этот Бал безумцев?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-121895-9

© Editions Albin Michel — Paris 2019
© Павловская О., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

ЖЕНЕВЬЕВА

3 марта 1885 г.

— Луиза, пора.

Женевьева одной рукой сдергивает одеяло, под которым девочка-подросток еще спит, свернувшись клубком на узком матрасе; густые темные волосы рассыпались по подушке, под ними видна лишь часть лица. Луиза тихонько посапывает с приоткрытым ртом. Она не слышит, как вокруг, в дортуаре, уже встают женщины. Между рядами железных кроватей вырастают силуэты; женщины потягиваются, воздевают руки, подбирая волосы в шиньоны, застегивают чернильно-черные платья поверх полупрозрачных ночных рубашек и монотонными шажками бредут к столовой под бдительными взорами санитарок. Солнце робко просеивает свет сквозь запотевшие оконные стекла.

Луиза всегда просыпается последней. Каждое утро кто-нибудь из умалишенных — соседок по дортуару — или одна из медсестер приходит ее будить.

Сумерки приносят облегчение, и девушка проваливается в сон, столь глубокий и крепкий, что в нем нет места видениям. Когда спишь, не думаешь о том, что случилось в прошлом, и можно не переживать о будущем. Для Луизы это единственная возможность забыть ненадолго о тех событиях, что три года назад привели ее сюда.

— Вставай, Луиза. Тебя ждут.

Женевьева трясет девушку за плечо — та наконец открывает один глаз, поначалу приходит в изумление, увидев у своей постели ту, кого умалишенные прозвали Старожилкой, а потом спохватывается:

— У меня сеанс!

— Собирайся скорей, ты долго спала.

— Да!

Луиза спрыгивает с койки — ноги вместе, приземляется на обе — и хватает со стула платье из черного сукна. Женевьева, отступив в сторонку, наблюдает за ней. Опытный глаз подмечает суетливые движения, неуклюжий наклон головы, учащенное дыхание. Но очередной припадок был у Луизы только вчера — можно не опасаться, что это повторится до сегодняшнего сеанса.

Девушка торопливо застегивает пуговицы на воротничке платья и поворачивается к сестре-распорядительнице. Женевьева, всегда прямая как палка, в белоснежной казенной одежде, с аккуратно собранными в шиньон белокурыми волосами, заставляет ее робеть, хотя за время, проведенное здесь, Луиза немного примирилась с суровостью этой

БАЛ БЕЗУМЦЕВ

женщины. Женеьеву не упрекнешь в том, что она несправедлива или жестока с пациентками, просто не внушает никому ни любви, ни привязанности.

— Всё правильно, мадам Женеьева?

— Распусти волосы. Доктор предпочитает распущенные.

Луиза вскидывает полные руки к сооруженному в спешке шиньону. Она еще совсем дитя, хоть и выглядит старше. В свои семнадцать полна детских восторгов и воодушевления. Тело расцвело слишком быстро — грудь и бедра округлились в четырнадцать лет, и возраст не уберег ее от последствий сладострастия, которое они пробуждали. Невинность почти исчезла из глаз Луизы — почти, и это давало надежду, что для нее все изменится к лучшему.

— Я так волнуюсь...

— Доверься доктору, и все пройдет хорошо.

— Да.

✱

Женщина и девушка идут по больничному коридору. Мартовский утренний свет просачивается в окна и разливается по плитке пола, слабо поблескивая, — это ласковое сияние, предвестье весны и средопостного* бала, дарует желание улыбаться и обещание, что скоро можно будет покинуть эти стены.

* Средопостье — середина Великого поста, время общественных увеселений во Франции. (Здесь и далее примеч. пер.)

Женевьева чувствует, что Луиза нервничает — та шагает, опустив голову, безвольно свесив руки, учащенно дыша. Пациенток этого заведения всегда охватывает беспокойство перед встречей с самим Шарко, особенно если они избраны для участия в сеансе гипноза. Их пугает такая ответственность, тревожит необходимость предстать перед большим количеством людей. Жизнь не баловала этих женщин вниманием окружающих, всеобщий интерес им непривычен и вгоняет в ступор, заставляя терять рассудок — в очередной раз.

Еще несколько коридоров, распашные двери — и они входят в небольшое помещение, смежное с залом для публичных лекций. Несколько мужчин — врачи, интерны, студенты-медики — уже ждут с записными книжками и перьями наготове. Все как один подтянутые, в черных костюмах и белых сорочках; над верхней губой у каждого топорщатся усы. Мужчины одновременно оборачиваются к предмету сегодняшнего изучения, скользят по телу тренированными взглядами, словно скальпелями, отсекая лишнее, — Луизе кажется, будто они смотрят сквозь ее платье, и в конце концов девушка под любопытными взорами опускает глаза.

Здесь только одно знакомое лицо — Бабинский, ассистент доктора Шарко. Он подходит к Женевьеве:

— Зал скоро заполнится. Начнем через десять минут.

— Вам понадобится что-нибудь особенное для Луизы?

БАЛ БЕЗУМЦЕВ

Бабинский окидывает девушку взглядом с головы до ног:

— И так сойдет.

Женевьева кивает и собирается выйти из «предбанника», но Луиза встревоженно заступает ей путь:

— Вы ведь за мной вернетесь, мадам Женевьева?

— Как обычно, Луиза.

Из-за кулисы, скрывающей сцену в зале, Женевьева оглядывает ряды зрителей. Эхо низких голосов набирает силу над деревянными скамьями и заполняет все пространство. Лекторий в Сальпетриер напоминает не столько больничное помещение, сколько музей, а скорее — кунсткамеру. Здесь картины и гравюры, висящие на стенах, и росписи на потолке являют взорам анатомические схемы и тела. В композициях — смешение безвестных персонажей, обнаженных и одетых, смятенных и потерянных; рядом со скамьями — тяжелые, покосившиеся от времени шкафы со стеклянными дверцами выставляют на обозрение коллекцию сувениров, всё, что больница оставляет себе на память: черепа, берцовые и тазовые кости, ребра, десятки банок с заспиртованными органами, мраморные бюсты и россыпи инструментов. Уже само убранство этого зала сулит зрителям нечто необычное.

Женевьева рассматривает публику. Некоторые личности ей известны; кроме интернов и врачей, она узнаёт писателей, журналистов, политических деятелей, художников, и на их лицах любопытство соседствует с заведомым одобрением или, наоборот,

со скептицизмом. Женестьева испытывает чувство гордости. Она гордится, ибо лишь один человек в Париже способен внушать к себе такой интерес, что ради него каждую неделю заполняются скамьи в этом зале. А вот и он сам — появляется на сцене, и зрители умолкают. Внушительный силуэт Шарко вырисовывается напротив замороженной публики. Он серьезен и бесстрашен. Долгий профиль напоминает о греческих статуях — в нем столько же изящества и достоинства. У Шарко внимательный и невозмутимый взгляд врача, который годами изучал женщин, уязвимых и уязвленных, отвергнутых собственной семьей и обществом. Он знает, сколь велики надежды, возлагаемые на него душевнобольными. Знает, что его имя гремит на весь Париж. Этого человека наделили полномочиями, и теперь он использует свою власть во благо, с глубочайшей убежденностью, что она получена не напрасно, ибо его редкий дар способствует развитию медицины.

— Господа, приветствую вас и благодарю за то, что вы сюда пришли. Сегодняшняя демонстрация будет представлять собой сеанс гипнотического воздействия на пациентку с тяжелой формой истерии. Ей семнадцать лет, и за те три года, что она находится здесь, в Сальпетриер, мы наблюдали у нее две с лишним сотни припадков. Гипноз позволит нам воспроизвести у девушки еще один истерический припадок и исследовать все его симптомы. Эти симптомы, в свою очередь, дадут нам возможность больше узнать о физиологическом процессе

БАЛ БЕЗУМЦЕВ

истерии. Благодаря таким пациенткам, как Луиза, наука и медицина движутся вперед.

Женевьева едва заметно улыбается. Всякий раз, глядя на Шарко, который обращается с речью к аудитории, нетерпеливо ждущей очередную демонстрацию, она думает о том, с чего этот человек начинал. У нее на глазах он занимался исследованиями и наблюдениями, лечил, вел записи, старался понять, делал открытия, на которые до него никто не был способен, думал так, как никто не думал до него. Шарко был для Женевьевы живым воплощением медицины во всей ее полноте, истине и благе. Зачем поклоняться богам, если есть люди, подобные Шарко? Нет, не совсем так — Шарко единственный, таких больше нет. Она гордится, да, гордится и чувствует себя избранной, ибо уже почти двадцать лет ей дозволяется вносить свой вклад в труды и достижения знаменитого парижского невролога.

Бабинский выводит на сцену Луизу. Десять минут назад она умирала от страха, теперь же все изменилось: расправив плечи, выпятив грудь, задрвав подбородок, девушка идет к публике, которая ждет только ее. Она больше не боится — для нее настал момент славы и признания. Для нее и для маэстро.

Женевьева знает все слагаемые ритуала. Сперва перед лицом Луизы плавно раскачивается маятник, взгляд ее голубых глаз замирает, диапазон качания сокращается, и вот она уже заваливается вперед — два интерна ловко подхватывают безвольное тело. Луиза с закрытыми глазами подчиняется любой ко-

манде, для начала выполняет простые движения — поднимает руку, поворачивается вокруг своей оси, сгибает ногу в колене, как послушный солдатик. Затем принимает позу по новому требованию: молитвенно складывает ладони, вскидывает голову, зывая к небесам, изображает распятие. Постепенно то, что должно быть простой демонстрацией силы внушения, превращается в грандиозное зрелище, наступает «фаза больших движений», как возвещает Шарко. Теперь Луиза уже не получает указаний — она на полу и движется сама по себе, сплетает ноги, заламывает руки, совершает рывки из стороны в сторону, падает на спину, перекачивается на живот, конечности напрягаются так, что больше не могут сгибаться, на лице смесь муки и наслаждения, хриплое дыхание вырывается в ритме охвативших тело судорог. Суеверные невежды сказали бы, что она одержима бесами, — впрочем, и среди просвещенных зрителей кое-кто украдкой осеняет себя крестным знаменем... Последняя конвульсия опять бросает ее на спину — голые пятки и затылок упираются в пол, тело выгибается, образуя крутую дугу от шеи до голеней. Темные волосы метут пыль по сцене; позвоночник, принявший форму перевернутой буквы U, вот-вот хрустнет от напряжения. Наконец искусственно вызванный припадок утихает — девушка с грохотом обрушивается на доски настила под ошеломленными взорами.

Благодаря таким пациенткам, как Луиза, наука и медицина движутся вперед.

БАЛ БЕЗУМЦЕВ

За пределами Сальпетриер, в салонах и кофейнях, бытуют свои представления о том, что творится в так называемом отделении истеричек, возглавляемом Шарко. Люди воображают себе обнаженных женщин, которые мечутся по коридорам, бьются лбом о стены, раскидывают ноги, принимая вымышленного любовника, и воем воют с утра до ночи. В фантазиях обывателей тела безумных сотрясаются в конвульсиях под белыми простынями, развеваются косматые волосы, кривятся в гримасах женские лица — старые, заплывшие жиром, уродливые. Считается, что этих женщин нужно держать подальше от общества, даже если для такой меры нет конкретной причины, поскольку они не нарушили нормы морали и не совершили иного преступления. В тех, кто не терпит малейших отклонений от нормы, будь они буржуа или пролетарии, мысли об умалишенных в Сальпетриер будят желания и обостряют страхи. Безумные женщины завораживают их и наводят ужас. И если бы нынешним утром эти люди явились в Сальпетриер на экскурсию, их разочарованию не было бы предела.

В просторном дортуаре спокойно совершаются будние дела: женщины протирают пол под железными койками и в проходах, кто-то наспех моется банной рукавичкой над кадкой с холодной водой; одни еще лежат, сломленные усталостью и тягостными мыслями, — у них нет желания ни с кем общаться;

другие расчесывают волосы, тихонько переговариваются парочками, смотрят в окна на проступивший в тусклом свете парк, где снег пока что борется за жизнь. Тут есть женщины всех возрастов — от тринадцати до шестидесяти пяти, брюнетки, блондинки и рыжие, худые и толстые. Все одеты и причесаны, как обычные горожанки, блюдущие приличия. Ничего общего с гнездом порока, образ которого засел в несведущих головах, — этот дортуар скорее походит на часть дома отдыха, отведенную истеричкам. И лишь присмотревшись к здешним обитательницам повнимательнее, начинаешь различать тревожные признаки: вон там сведенная судорогой рука прижата к груди, кулак стиснут, кисть неестественно вывернута; здесь кто-то моргает быстрее, чем бабочка машет крыльями, а оттуда на тебя пристально таращатся одним глазом, зажмурив другой. Здесь под запретом звуки духовых и камертона, иначе некоторые могут впасть в катаlepsию. Та женщина зевает без передышки, а эта пребывает в постоянном беспорядочном движении. Ты то и дело ловишь подавленные, отстраненные или преисполненные глубочайшей меланхолии взгляды. А время от времени воцарившийся хрупкий покой в дортуаре нарушают пресловутые истерические припадки: женское тело вдруг начинает извиваться на кровати или на полу, борется с незримым противником, изгибается, бьется, встает дугой, скручивается в узел, пытается вырваться из своего плена и не может. К женщине спешат со всех сторон, какой-нибудь интерн нажимает

БАЛ БЕЗУМЦЕВ

двумя пальцами ей на живот в том месте, где находятся яичники, и это давление успокаивает безумную. В самых тяжелых случаях припадочной накрывают нос и рот тряпицей, смоченной эфиром, — тогда ее глаза закрываются, и приступ проходит.

Истерички не пляшут здесь босыми в стылых коридорах. Изо дня в день они ведут безмолвную борьбу за то, чтобы стать нормальными.

✧

Вокруг одной койки столпились женщины — смотрят, как Тереза вяжет шаль. Девушка с замысловатой прической — длинной косой, уложенной в венок, — подходит поближе к той, кого здесь кличут Вязуньей:

— Это ведь для меня, да, Тереза?

— Я обещала Камилле.

— А мне ты обещала уж не помню когда.

— Я две недели назад связала шаль — она тебе не понравилась, Валентина, так что жди теперь.

— Злюка!

Валентина удаляется с обиженным видом; она уже сама не замечает, что у нее нервно подергивается правая рука, а по ноге то и дело пробегает дрожь.

Женевьева тем временем в паре еще с одной медсестрой помогает Луизе улечься на койку. Совсем ослабевшая девушка находит в себе силы улыбнуться:

— Я все сделала правильно, мадам Женевьева?